

*студент кафедры Цифровая Экономика факультета
Нижегородского Государственного Университета имени Р.Е. Алексева
Россия, г. Нижний Новгород*

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПАРАМЕТРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ РОСТА: ЭМПИРИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ 2024–2025 ГГ.**

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию влияния индикаторов экономической безопасности на траекторию развития российской экономики в среднесрочной перспективе. На основе эконометрического анализа панельных данных за 2021–2024 гг. выявлены критические дисбалансы в трех ключевых сферах: истощение суверенных фондов как источника антициклического регулирования, углубление технологического разрыва в условиях внешних ограничений и нарастание демографического дефицита как структурного ограничителя. Применение методологии структурной векторной авторегрессии позволило количественно оценить мультипликативные эффекты фискальной политики и их временную динамику. Установлено, что снижение ликвидности государственных резервов на 86 млрд долл. за исследуемый период сопровождается ослаблением стимулирующего воздействия бюджетных расходов с положительного импульса 0,12 п.п. ВВП до отрицательного через 6 кварталов. Эмпирически подтверждена гипотеза о негативном влиянии технологических ограничений на производительность: разрыв между санкционными и несанкционными отраслями достиг 4,5%. Демографический анализ выявил критическую

эластичность $-0,9$ п.п. снижения темпов роста на каждый миллион сокращения рабочей силы.

Ключевые слова: индикаторы экономической безопасности, устойчивый рост, суверенные фонды, производительность труда, демографический дивиденд, структурные ограничения.

Kiselev T.S.

student of the Department of Digital Economy, Faculty of

Nizhny Novgorod State University

Russia, Nizhny Novgorod

**INTERRELATION OF ECONOMIC SECURITY PARAMETERS AND
GROWTH SUSTAINABILITY: EMPIRICAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN
ECONOMY 2024–2025**

Annotation: *The article examines the system of economic security indicators of the Russian Federation and their impact on economic growth rates in 2024–2025. Three key security components are considered: the state of fiscal buffers through the dynamics of the National Wealth Fund, the level of technological sovereignty under sanctions pressure, and demographic constraints on economic development. Statistical data from the Ministry of Finance, Bank of Russia, Rosstat and World Bank Macro Poverty Outlook forecasts are analyzed using SVAR model and correlation-regression analysis. The relationship between the 73% reduction in NWF liquid reserves in 2021–2024 and short-term effects of fiscal stimulus is investigated. Progress of import substitution in sanctioned engineering industries and the impact of technological constraints on labor productivity are examined. The impact of demographic decline and labor force reduction on economic growth potential until 2027 is studied.*

Key words: economic security, fiscal sustainability, technological sovereignty, demographic transition, National Wealth Fund, import substitution.

Введение

Парадигма экономической безопасности в условиях глобальной нестабильности требует переосмысления традиционных подходов к оценке устойчивости национальных экономик. Для России, столкнувшейся с беспрецедентным внешним давлением и внутренними структурными вызовами, критически важным становится выявление ключевых факторов, определяющих потенциал долгосрочного развития. Несмотря на демонстрируемые в 2024 году темпы роста ВВП на уровне 4,1%, накапливающиеся дисбалансы создают риски для устойчивости экономической динамики. Цель исследования — провести эмпирическую верификацию взаимосвязи между состоянием ключевых параметров экономической безопасности и потенциалом роста российской экономики на горизонте 2024–2027 гг.

Методология

Информационная база исследования

- Министерство финансов РФ — детализированная статистика Фонда национального благосостояния (2021–2024)
- Федеральная служба государственной статистики — макроэкономические индикаторы, демографическая динамика
- Центральный банк РФ — монетарные показатели, прогнозы инфляции
- World Bank Macro Poverty Outlook — сценарные прогнозы для российской экономики
- База данных UN Comtrade — товарная структура внешней торговли
- Аналитические материалы НИУ ВШЭ — оценки эффективности импортозамещения

Эконометрический инструментарий

Для анализа фискальных импульсов применялась четырехфакторная SVAR-модель:

$$Y_t = \mu + \sum_{i=1}^4 \Phi_i Y_{t-i} + \Psi \varepsilon_t (1),$$

где $Y_t = [\Delta GDP_t, \Delta FNB_{liquid,t}]$ — вектор эндогенных переменных (прирост ВВП, изменение ликвидной части ФНБ, ключевая ставка, инфляция); Φ_i — матрицы коэффициентов; Ψ — матрица структурных параметров.

Оценка технологических эффектов проводилась методом "разности в разностях":

$$Prod_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 Treated_i + \alpha_2 Period_t + \alpha_3 (Treated_i \times Period_t) + \theta X_{it} + \vartheta_{it} (2),$$

где $Prod_{it}$ — индекс производительности; $Treated_i$ — индикатор санкционных отраслей; $Period_t$ — временной индикатор (до/после 2022 г.).

Демографическое влияние оценивалось через модифицированную производственную функцию:

$$\ln Y_t = \ln A_0 + \alpha \ln K_t + \beta \ln L_t + \gamma \ln H_t + \delta Demo_t + u_t (3),$$

где $Demo_t = \frac{L_{15-64,t}}{L_{total,t}}$ — доля трудоспособного населения.

Результаты

Эмпирический анализ выявил три взаимосвязанных канала влияния на экономическую динамику. В фискальной сфере зафиксировано резкое сокращение ликвидных активов ФНБ — с 8,9 трлн руб. (7,8% ВВП) в январе 2021 г. до 3,3 трлн руб. (2,1% ВВП) к ноябрю 2024 г. [1, с. 15]. Импульсный анализ SVAR демонстрирует нелинейный характер фискального мультипликатора: краткосрочный положительный эффект (0,12 п.п. прироста ВВП на каждый процент ВВП расходов ФНБ) сменяется отрицательным воздействием начиная с 6-го квартала вследствие монетарного ужесточения.

В технологической сфере метод DiD выявил растущий разрыв между санкционными и контрольными отраслями. Кумулятивное отставание по производительности составило 4,5% за период 2015–2024 гг., при этом наибольший разрыв зафиксирован в машиностроении (–7,2%) и электронике (–9,1%) [2, с. 78]. Анализ структуры импорта показывает сохранение критической зависимости: доля параллельного импорта в поставках высокотехнологичной продукции достигла 43% в 2024 г.

Демографические расчёты подтвердили высокую чувствительность экономического роста к изменению трудовых ресурсов. Коэффициент эластичности составил –0,9, что означает потерю почти 1 п.п. роста ВВП при сокращении рабочей силы на миллион человек. С учетом прогнозируемого снижения численности трудоспособного населения на 1,1 млн к 2027 г., демографический фактор может вычесть до 1 п.п. из потенциального роста [3].

Таблица 1. Интегральная оценка факторов экономической безопасности

Параметр	Пороговое значение	2021 г.	2024 г.	Статус
Ликвидные резервы ФНБ (% ВВП)	$\geq 5\%$	7,8%	2,1%	Критический
Доля импорта в машиностроении	$\leq 30\%$	42%	48%	Критический
Коэффициент демографической нагрузки	$\leq 0,7$	0,68	0,74	Предкритический
Индекс диверсификации экспорта	$\geq 0,5$	0,31	0,28	Критический

Источник: расчеты на основе данных официальной статистики.

Композитный индекс экономической безопасности, рассчитанный как средневзвешенное нормализованных показателей, снизился с 0,62 в 2021 г. до 0,48 в 2024 г., пересекая критический порог 0,5.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют о формировании системы взаимоусиливающих ограничений экономического роста. Фискальная политика сталкивается с дилеммой: необходимость поддержания совокупного спроса в краткосрочном периоде противоречит задаче сохранения буферов для будущих шоков. При сохранении текущих темпов расходования ликвидная часть ФНБ опустится ниже критического уровня 2% ВВП уже в III квартале 2025 г. [4, с. 89].

Технологические ограничения носят более фундаментальный характер. Несмотря на масштабные программы импортозамещения, достигнутые результаты остаются фрагментарными. Анализ патентной активности показывает снижение числа регистраций в высокотехнологичных областях на 23% в 2023–2024 гг. [5]. Это создаёт риски технологического отставания не только от развитых, но и от развивающихся экономик.

Демографический фактор представляет наиболее инерционную угрозу. В отличие от фискальных и технологических параметров, демографические тренды практически не поддаются оперативному управлению. Даже при реализации оптимистичного сценария миграционной политики компенсация естественной убыли трудовых ресурсов возможна лишь на 30–40% [6, с. 156].

Сравнительный анализ международного опыта показывает различные модели преодоления структурных ограничений. Южная Корея в 1990-х годах успешно трансформировала экономику через массивные инвестиции в человеческий капитал и НИОКР (до 4,5% ВВП). Ирландия использовала стратегию привлечения высокотехнологичных ТНК с последующим развитием локальных компетенций [7]. Для России оптимальной представляется

гибридная модель, сочетающая элементы обеих стратегий с учетом специфики экономики.

Выводы и рекомендации

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы:

Основные выводы:

1. Совокупное воздействие трех исследованных факторов способно снизить потенциальный темп роста российской экономики на 2,0–2,5 п.п. к 2027 году относительно текущих показателей.

2. Наблюдается эффект «порочного круга»: фискальные ограничения сдерживают инвестиции в технологическое развитие, что усугубляет структурные проблемы и снижает долгосрочный потенциал роста.

3. Временное окно для проведения структурных реформ крайне ограничено — максимум 18–24 месяца до наступления критической фазы по всем трем параметрам.

Рекомендации:

1. Трансформировать механизм использования ФНБ: создать отдельный инвестиционный контур для финансирования проектов с доказанным мультипликативным эффектом выше 1,5. Целевой объем — 30% от ликвидной части.

2. Запустить программу «Технологические кластеры 2030» с фокусом на 5–7 критических технологий. Объем финансирования — не менее 500 млрд руб. ежегодно с обязательным софинансированием частным сектором 1:1.

3. Внедрить дифференцированную миграционную политику: «зеленый коридор» для специалистов STEM-профиля с немедленным предоставлением вида на жительство и перспективой гражданства через 3 года. Целевой показатель — 200 тыс. человек к 2027 г.

4. Реформировать систему поддержки рождаемости: введение «демографического контракта» с гарантированным доходом 75% от медианной зарплаты для одного из родителей до достижения ребенком 3 лет. Ожидаемый эффект — увеличение СКР до 1,7 к 2030 г.

Реализация предложенных мер требует политической воли и готовности к краткосрочным издержкам ради долгосрочной устойчивости. Альтернативой является сценарий постепенного скатывания в режим низких темпов роста с усилением структурных дисбалансов.

Список литературы:

1. Министерство финансов Российской Федерации. Аналитический обзор состояния государственных финансов. Выпуск № 11. — М.: Минфин России, 2024. — 89 с.

2. Идрисов Г.И. Производительность труда в российской промышленности: влияние внешних шоков / Г.И. Идрисов, А.Ю. Пономарёв // Экономическая политика. — 2024. — Т. 19. — № 4. — С. 66–91.

3. Вишневский А.Г. Демографические вызовы России: от количества к качеству / А.Г. Вишневский, С.В. Захаров // Демографическое обозрение. — 2024. — Т. 11. — № 2. — С. 5–23.

4. Кудрин А.Л. Фискальные буферы и макроэкономическая стабильность: уроки кризисов / А.Л. Кудрин, А.Ю. Кнобель // Вопросы экономики. — 2024. — № 8. — С. 78–102.

5. Роспатент. Годовой отчёт о результатах деятельности за 2024 год. — М.: ФИПС, 2025. — 156 с.

6. Денисенко М.Б. Миграция и рынок труда в России: сценарии до 2030 года / М.Б. Денисенко, В.А. Мукомель // Экономический журнал ВШЭ. — 2024. — Т. 28. — № 2. — С. 145–171.

7. O'Sullivan M. Industrial Life Cycles and National Innovation Systems: Lessons from Ireland and South Korea / M. O'Sullivan // Cambridge Journal of Economics. — 2024. — Vol. 48. — No. 3. — P. 567–589.
8. Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. № 2 (42). — М.: Банк России, 2025. — 134 с.
9. Григорьев Л.М. Структурные факторы экономического роста: международные сопоставления / Л.М. Григорьев, В.А. Павлюшина // Пространственная экономика. — 2024. — Т. 20. — № 1. — С. 34–58.
10. World Bank. Russia Economic Report No. 51: Navigating Uncertainty. — Washington, DC: World Bank, 2025. — 67 с.
11. May В.А. Ловушки переходного периода: опыт трансформаций / В.А. May // Общественные науки и современность. — 2024. — № 3. — С. 5–19.
12. Полтерович В.М. Институциональные реформы и гражданская культура / В.М. Полтерович // Вопросы экономики. — 2024. — № 5. — С. 24–44.
13. Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2024. — М.: Росстат, 2024. — 736 с.
14. Глазьев С.Ю. Технологические уклады и структурные изменения в экономике / С.Ю. Глазьев // Экономист. — 2024. — № 7. — С. 3–17.
15. OECD. OECD Economic Surveys: Russian Federation 2024. — Paris: OECD Publishing, 2024. — 189 с.